

Когда срок беременности подошёл к восьмому месяцу, всё случилось именно так, как предупреждала директриса: Хэ Яну стало трудно передвигаться, появились отёки, а по ночам ноги сводило судорогой.

Несколько раз за ночь его вырывало из сна острой, выворачивающей болью — ногу сводило так, что, казалось, мышцы сейчас порвутся. Хотелось закричать, завывать, но он только вцеплялся зубами в подушку и глухо, сдавленно стонал, чтобы не разбудить соседей за тонкой стеной. Слёзы текли сами — не от боли, а от бессилия: он не мог даже закричать, не мог позвать на помощь, потому что помощи ждать было неоткуда.

Врач сказал, что это от недостатка кальция, и прописал специальные таблетки. Хэ Ян, не раздумывая, купил две коробки — дорогие, но что поделаешь, — и через неделю судороги действительно прекратились.

Утром он, как обычно, сходил прогуляться к морю — брёл медленно, вдыхая солёный воздух, слушая крики чаек и думая о том, как быстро летит время. Скоро, совсем скоро он увидит своего малыша.

А когда вернулся, застал дома неожиданных гостей.

Чжоу Жуйси первым заметил брата — вскочил, подбежал и замер, разглядывая округлившийся живот с таким благоговением, будто перед ним было настоящее чудо. Глаза его сияли:

— Брат! Он такой большой! — осторожно, почти невесомо, он коснулся ладонью живота. — Сестрёнка там? Она скоро выйдет?

В его голосе было столько детской, чистой радости, что у Хэ Яна на мгновение защемило в глазах.

— Скоро, — улыбнулся он, погладив брата по голове. — Ещё немного потерпи.

Жуйси теперь работал — Ли Гуанбинь помог ему найти место, и он строил грандиозные планы: заработает много-много денег и купит сестрёнке самых красивых платьев, какие только бывают.

Хозяйка и директриса, едва встретившись, уже не могли наговориться — две пожилые женщины, найдя общие темы, увлечённо болтали, отправившись на кухню готовить обед.

Хэ Ян улыбался, обнимался, отвечал на вопросы, но краем глаза всё время следил за директрисой. Что-то было не так. Она улыбалась, но улыбка не касалась глаз — в них застыла такая тоска, что у Хэ Яна внутри всё похолодело. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, а руки — он заметил это, когда она брала пакеты, — мелко дрожали. Сердце пропустило удар: что-то случилось.

Ли Гуанбинь как раз выгружал из машины живых кур и уток, привезённых из дома, — возился с клетками, раскладывал птицу. Хэ Ян подошёл к нему, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Гуанбинь, что случилось? У бабушки такое лицо... Неужели дома что-то произошло?

Ли Гуанбинь замер, и Хэ Ян увидел, как дёрнулся его кадык. Слишком долгая пауза, слишком натянутая улыбка.

— Да нет, — голос его звучал фальшиво, как у плохого актёра. — Всё в порядке. Тебе показалось.

— Гуанбинь. — Хэ Ян шагнул ближе, заглядывая в глаза. — Ты же знаешь, я это чувствую. Не ври мне. Пожалуйста.

Ли Гуанбинь глубоко вздохнул, провёл рукой по лицу, словно смывая маску.

— Ладно... — голос его дрогнул. — Хайянь... У него кровь носом пошла. Сначала не обращали внимания — думали, сосуды слабые, бывает. А потом... — он сглотнул. — Потом она хлынула так, что мы чуть с ума не сошли. Врачи сказали: острый лейкоз. Операция нужна. Триста тысяч.

Мир вокруг Хэ Яна покачнулся. На миг ему показалось, что он ослышался, что это какой-то страшный сон.

— Что? — переспросил он, хотя расслышал всё. — Хайянь?..

Он покачнулся, схватился за дверцу машины. В голове не укладывалось: этот тихий, застенчивый мальчик, который всегда сидел в уголке и улыбался, — и вдруг такая болезнь. Всего пятнадцать лет...

— Когда это случилось? — голос его сорвался. — Почему вы мне ничего не сказали?

— Ты же ребёнка ждёшь, — Ли Гуанбинь виновато отвёл глаза. — Не хотели, чтобы ты волновался. Особенно бабушка-директриса — она строго-настрого запретила говорить, велела, чтобы ты спокойно рожал. Но Хайянь... — он помолчал. — Он же тебя больше всех любит. Полмесяца в больнице провалялся, а всё рвался с нами, к тебе. Я и подумал: если спросишь — скажу как есть.

Перед глазами встало лицо Хайяня — то, каким он его запомнил: улыбающийся, смущённо протягивающий свой рисунок, где они все вместе сидят за большим столом, а рядом с Хэ Яном — маленькая девочка, которую он так ждал. «Он же тебя больше всех любит», — сказал Гуанбинь. Хэ Ян зажмурился, прогоняя слёзы.

— Сколько не хватает? — Он уже развернулся, чтобы идти в дом. — У меня на карте девяносто с лишним, сейчас принесу.

— Стой! — Ли Гуанбинь догнал его, преградил путь. — Хэ Ян, послушай! Ты сначала успокойся, сядь, выдохни. Ты же не один сейчас, нельзя так срываться. — Он говорил быстро, боясь, что Хэ Ян не дослушает. — У бабушки-директрисы сто двадцать есть, у меня восемьдесят. Сотни не хватает. Я найду, не переживай. У нас же турфирма, родители помогут, они послезавтра из Вьетнама вернутся. Я всё улажу. А ты свои деньги оставь — тебе же ребёнка поднимать.

Хэ Ян слушал, и сердце сжималось от мысли, что этот мальчик, который никогда не жаловался, который тихо делал свою работу и мечтал только о том, чтобы все были рядом, — сейчас лежал в больнице и боролся за жизнь. А он, Хэ Ян, даже не знал.

— Врачи сказали, когда операция?

— Чем раньше, тем лучше. Родители послезавтра вернутся, я сразу всё решу. Ты главное не волнуйся, рожай спокойно. Хайянь так ждал, что у тебя девочка будет...

— Хорошо... — выдохнул Хэ Ян, чувствуя, как к горлу подступает комок.

По дороге обратно бабушка-директриса захотела пить и открыла пакет с сухим пайком, который Хэ Ян сунул ей перед отъездом. Пальцы наткнулись на что-то плотное, завернутое в красную ткань. Удивлённая, она развернула свёрток и обомлела: банковская карта. А под ней — клочок бумаги, на котором знакомым, чуть дрожащим почерком было выведено:

«Не спрашивай, не отказывайся. Срочно собери деньги на операцию Хайяню. Он ещё маленький, у него вся жизнь впереди. Мы — семья. Пусть будет трудно, пусть тяжело, но если мы вместе — это и есть счастье».

Прочитав, директриса замерла. А потом слёзы хлынули сами — она даже не пыталась их вытирать, они текли по щекам, падали на руки, на бумагу, размывая чернила. Этот мальчик, которого она когда-то держала на руках совсем крохой, который вырос у неё на глазах, который никогда не жаловался и не просил помощи, — отдавал последнее.

Ли Гуанбинь, сидевший рядом, смотрел в окно, но ничего не видел — перед глазами стояло лицо Хэ Яна, каким оно было минуту назад: спокойное, но с такой болью в глазах, что у самого сердце разрывалось.

Он думал о том, как в детстве послушно обходил Хэ Яна стороной, потому что так велели взрослые. Как потом, в школе, вдруг увидел в нём человека — настоящего, живого.

Но судьба распорядилась иначе. Мать и сестра Хэ Яна попали в аварию на обратном рейсовом автобусе: мать погибла, сестра превратилась в растение. Хэ Ян бросил школу.

Ли Гуанбинь не мог смотреть, как его друг остался совсем один, и уговорил родителей взять Хэ Яна работать гидом в их семейном турбизнесе. Родители, конечно, упирались, но сына упрямство победило — они сдались.

И теперь этот человек, у которого никогда ничего не было, отдавал последнее ради чужого мальчишки.

<http://bllate.org/book/16098/1572350>